

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Галустова Кирилла Артемовича на тему: «Трансформация пространства современного российского города под воздействием городских режимов», представленную на соискание ученой степени кандидата географических наук по научной специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Актуальность работы К.А. Галустова не вызывает сомнений. Городская тематика во всех общественных (да и естественных – изменения климата в городах, новые катастрофические природные явления и города мира, ландшафтная динамика и устойчивость существования «экстремальных» городов и т.д.) науках в последние десятилетия укрепляется в популярности. И здесь важно, чтобы география участвовала в этом оправданном тематическом тренде. Диссертация автора как раз и отвечает на этот вызов – она посвящена анализу знаковых событий и случаев в трансформации пространства Санкт-Петербурга в последние два десятилетия, с 2005 года принятия в городе нормативного акта, который «открыл» охранную зону города для новой массовой застройки. Она отчетливо показывает, что в современных условиях специализации наук по проблемам и проблемным тематическим полям, работать конструктивно и новаторски в экономической географии, оставаясь целиком в ее лоне, трудно. А вот исследовательски двигаться вперед, выходя на синтез с соседними общественными науками, например, в изучении проблем современной геоурбанистики, можно и нужно. Желательно при этом становиться лидерами междисциплинарного синтеза, что, к сожалению, получается далеко не всегда. В своей работе К.А. Галустов осуществляет конструктивный синтез пространственного подхода с политологией и социологией, опираясь в этом на заветы, с одной стороны, социолога Ч.Р. Миллса, с другой стороны, географа Д. Харви, которые к этому призывали.

К сожалению, в этом синтезе он выступает как робкий географ, который использует далеко не весь арсенал известных (классических и современных) географических методов и подходов для раскрытия темы. Тем приятнее места в диссертации, когда он как географ «правит» петербургских социологов Е.В. Тыканову и А.М. Хохлову, которые экстраполируют режим девелоперской экспансии на Санкт-Петербург середины десятых годов 21 века, когда на самом деле он уже выдохся ввиду отказа властей от прежней политики либерализации в городской застройке (о чем справедливо пишет автор). Хотя темой экологических и социокультурных конфликтов Санкт-Петербурга занимаются представители разных общественных наук, но, как демонстрирует диссертация К.А. Галустова, у географии есть возможность создать в этом междисциплинарном исследовательском синтезе свое новое знание.

Считаю акцент работы на теме возникающих в современном крупном городе объективных противоречий в пространственном развитии исключительно актуальным. Тем более, что на сюжеты городских пространственных конфликтов исследовательски «откликаются» обычно представители других наук (юристы, социологи, политологи), и очень редко экономико-географы и региональные экономисты – науки о пространстве предпочитают видеть его развитие «нирванно» и непротиворечиво. У геоурбанистики в целом нет прививки конфликтологии. Считаю, что эта тема настолько важна, что могла бы стать основой первой, теоретической, главы диссертации – по городской пространственной конфликтологии. И это было бы новаторством масштаба докторской диссертации, мимо которого автор прошел, сползая на пережевывание старого зарубежного дискурса по «городским режимам». Так возник разрыв между претенциозной, но фрагментированной первой теоретической главой, и оторванной от нее очень содержательной и фактурной второй главой, в которой эмпирический материал очевидно выходит за жесткие рамки концепции К. Стоуна «городских режимов». Работа по пространственному измерению

городской конфликтологии, как мне представляется, была бы более целостной и убедительной, чем представленная работа по пространственному измерению «городских режимов».

Новизну представленного исследования вижу, как минимум, в трех аспектах. Во-первых, это исследование процесса пространственной трансформации в Санкт-Петербурге через институт общественно значимых проектов – можно назвать этот авторский прием «проектный подход к проблеме городской пространственной трансформации». Он безусловно оправдан, потому что придает «материальную» убедительность не вполне оформленным теоретическим представлениям самого автора. И замечательно то, что это не просто «плоский» проектный подход, но окрашенный конфликтным взаимодействием властей разного уровня, девелоперского бизнеса и местного сообщества.

Во-вторых, это классификация всех многоакторных конфликтов в Санкт-Петербурге по вопросам городской застройки с 2006 года, которая в силу ее унифицированного характера обладает потенциалом масштабируемости на другие крупные города России.

В-третьих, это типология самого процесса и результата пространственной трансформации на эмпирическом материале Санкт-Петербурга, на базе эмпирического материала по общественно значимым проектам и конфликтам в сфере городской застройки (с 2006 года), с выходом на его кодификацию, что делает результат интересным широкому сообществу российских геоурбанистов.

Попутно отмечу, что автор склонен существенно преувеличивать и «нагнетать» степень новизны своего исследования: «данное исследование впервые предпринимает попытку концептуализации воздействия городских режимов в географическом пространстве»; «проблематика трансформации городского пространства и связанных с ней градостроительных тенденций в условиях воздействия городских режимов является новым предметом исследования»; «определён новый актуальный предмет географического исследования – изменения городского пространства под воздействием городских режимов»; «раскрыты характерные пространственные тенденции, принципы и закономерности в изменении городского пространства, возникающие в результате воздействия городских режимов». На самом деле задолго до автора связь многоакторного городского управления и динамики городского землепользования оценивалась архитекторами, урбанистами, даже экономико-географами (А.Г. Махровой и др.). Разница только в том, что они не использовали терминологию «городских режимов» при этом. Но совершенно неочевидно, что это использование для данной *географической* работы продуктивно. Автор никак не доказал конструктивность применения концепции городских режимов для экономико-географического исследования современной конфликтной проблематики пространственной трансформации в крупном городе. Если же речь идет об изменении городского пространства под влиянием институтов, о взаимодействии географии и институтов в городском пространственном развитии, то этот предмет исследования не является новым.

Автор бодро пишет, что «созданы пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города, возможные к повторению на любом другом примере...», что «новый взгляд на сочетание географических и социологических подходов позволил составить пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города, методика создания которых может быть реплицирована на примере любого города». Однако неверно назвать то, что представлено в работе, пространственно-временными моделями. На самом деле это комплексная характеристика городских конфликтов в области застройки и не более того.

Работа К.А. Галустова обоснованна и достоверна, что можно подтвердить несколькими конкретными фактами. Автор провел отбор на основании собственных разработанных критериев (шкала балльной оценки значимости и др.) и подробный анализ кейсов общественно значимых проектов трансформации городской среды в разных городах

России (преимущественно на примере Санкт-Петербурга, но также Вологды, Москвы, Екатеринбурга). Дал оценку и создал универсальную (кодифицированную) типологию трансформации городского пространства на примере общественно значимых проектов.

В результате эмпирического обобщения десятков кейсов Санкт-Петербурга автор создал теоретические представления об общих траекториях (закономерностях) пространственной трансформации в конфликтных ситуациях (власть-бизнес-общество) в городской застройке, обладающие потенциалом тиражируемости на другие крупные города России. Автор разработал методологию изучения межакторных конфликтов в проектах пространственной трансформации современного крупного города на базе собранной им базы из 94 экологических и социокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге. К.А. Галустов конкретно показал, как конфликтные взаимоотношения власти, бизнеса и общественности воздействуют на траекторию пространственной трансформации и сам облик городской застройки Санкт-Петербурга: «В конечном счёте в городском пространстве часто сохраняется ситуация статус-кво, пространство приходит в «застывшее состояние». В подобном случае не происходит ни развития, ни сохранения, что сильно отражается на внешнем облике города... Аналогичным образом (ветшание и запустение объектов культурного наследия) происходит в иных ситуациях, когда власть, бизнес и общество не могут прийти к компромиссу».

Недостатки работы многочисленны, но мою общую положительную оценку диссертации они не отменили. Первым и главным недостатком работы считаю то, что автор постоянно обещает в исследовании больше, чем реально им сделано. Одним словом, имеет место многократное «надувание щек». В этом плане считаю самой большой неудачей само название данной работы. Точный авторский вклад в теме «*Межакторные конфликты в городской застройке крупного российского города (на примере Санкт-Петербурга)*». Он занимается проблематикой городских пространственных конфликтов. Всегда лучше заявить тему диссертации скромнее, чем дать в самом ее содержании. У автора же получилось наоборот: 1) он заявил трансформацию пространства – на самом деле речь идет об избранных конфликтных кейсах в городской застройке и не более того; 2) он заявил современный российский город в теме – на самом деле речь идет преимущественно о Санкт-Петербурге с приплюсовыванием к нему в ряде случаев еще трех-четырёх городов России; 3) он заявил воздействие городских режимов – на самом деле речь идет не вообще о городских режимах, а о городских политических режимах, а внутри них ТОЛЬКО про конфликтные взаимодействия власти разного уровня, девелоперского бизнеса и местного сообщества по поводу проектов новой городской застройки. И все!

Был вариант, мимо которого автор прошел, построить работу вокруг практик соуправления развитием города на примере конфликтов в современной городской застройке. Про то, как модели кооперации акторов городского развития влияют на траекторию трансформации городского пространства. Была бы скромная, честная, без надувательства, логически стройная и целостная работа.

Вводя в название тему городских режимов в духе К. Стоуна и В. Ледяева, автор выходит на тему городской политологии, но нам-то нужна географическая работа, и она реально есть, но внутри, а название свидетельствует о не-географическом ракурсе работы. Повторю, считаю название работы одной из самых больших неудач автора и научного руководителя.

Если пройтись по защищаемым положениям, то легко убедиться, что лишь некоторые из них (например, четвертое) выполнены в работе целиком, а другие (второе, третье, пятое) – лишь частично. Первое положение считаю не выполненным.

Выполненное исследование много уже заявленной темы и обещанного предмета исследования. Тема исследования: временные рамки настоящего исследования начинаются с 2006 года по настоящее время - почему сразу в явном виде не обозначены в названии работы? Получается, что «современный» - это с 2006 года, а «русские города» - это один Санкт-Петербург?

Объект исследования в работе сформулирован предельно широко: пространство современного российского города в процессе трансформации. Но это неверно, потому что в работе фигурируют крупнейшие города и конкретно преимущественно Санкт-Петербург. В процессе *какой* трансформации? Из названия неясно.

Аналогично абстрактно сформулирован предмет исследования - потому что «городские режимы» - это вселенная, автора же реально интересуют только городские режимы конфликтных ситуаций городской застройки, то есть соотношение сил акторов при реализации знаковых и конфликтных проектов переустройства городской среды.

Цель работы тоже вызывает споры, потому что современное российское городское пространство предполагает рассмотрение в единой совокупности ВСЕ городские пространства ВСЕХ городских поселений России (городов-миллионников, сотысячников, городских поселков и так далее). И этот замысел системного целостного взгляда – исключительно интересен! Но он не реализован. (Спустя несколько страниц, спохватившись, автор пишет, что «стоит отметить, что исследование не претендует на обзор всего множества российских городов» (стр. 18) – но это его не спасает). Значит, нужно было назвать Санкт-Петербург и это бы отвечало подлинному содержанию проведенного исследования. А вместо «под воздействием городских режимов» нужно было обозначить «под воздействием конфликтов в городском со-управлении/ новых проектах городской застройки».

Шесть задач - много для кандидатской диссертации подобного скромного объема основного текста. На самом деле сформулированы три задачи – теоретико-методологическая, методическая, прикладная. Последняя задача повторяет с вариациями цель исследования.

Очередной красотью являются «пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города». Реально таких моделей в работе нет. Дело в том, что пространственно-временные модели касаются *процесса*, а не *воздействия* городского режима. Это классика. Да, от нее можно уйти в новаторской работе, но тогда нужно было дать развернутое объяснение и систему доказательств. Проекты городской застройки называть пространственно-временными моделями неразумно. Пространственно-временная модель городских конфликтов на деле оказывается просто многоаспектной характеристикой городских конфликтов за определенный период времени (Приложение А) и не более того! Картосхема 2.4. – это не пространственно-временная модель конфликта - это размещение конфликтов с фиксацией результатов - конкретные периоды, когда реально были эти конфликты, даже не выделены.

Вторым крупным недостатком работы считаю порочную «трехходовку» автора: сначала идет заявление ученого-«классика»; потом оговорка, что автор от нее «оттанцовывает» и ее размывает, создавая широтой цитирования разных мнений иллюзию своей «многовекторности» («Мы в своей работе поддерживаем аргумент Дэвиса (2003) и Де Социо (2012) о несколько ином характере модели режимного взаимодействия в европейских странах, а также в России, Китае, Индии, других развивающихся странах. Признаки изменения городских режимов здесь могут быть не столь явными, как это описано у Логана и Молотча в концепции «машин роста» (Logan & Molotch, 1987)»; однако потом в реальном исследовании происходит возвращение к исходной и ранее критикуемой позиции «классика»: «поэтому для исследования описываемых городских режимов мы будем использовать базовую классификацию «режим статус-кво – режим роста – прогрессивный режим среднего класса». Назовем такую стратегию «увертыванием от критики» на грани беспринципности (или «плавающих» принципов). Например, сначала автор подробно описывает концепцию городских режимов К. Стоуна как именно политических городских режимов. Потом он пишет, что «на наш взгляд, термин «городской режим» имеет более широкую трактовку и точнее описывает отношения и взаимодействия, формирующиеся в городе, к каковым могут относиться отнюдь не только политические, но

и экономические, социально- культурные. Однако в реальности в своей работе он пользуется именно исходной узкой трактовкой самого Стоуна.

Третий крупный недостаток данной работы состоит в том, что автор сам не желает формулировать внятной позиции в теоретической дискуссии, которую описывает в первой главе. Поясню фактами. В разделе 1.1. *Основные теоретико-методологические подходы к исследованию* разобраны частные вещи, определения. А теории городской трансформации даны без попыток их синтеза для диссертационной работы автора. Просто идет разбор «либеральных», российских и научного руководителя работ, но нет увязки с контекстом самой работы. Крупный вопрос выбора теоретической платформы, на которой нужно изучать трансформацию в аспекте развития именно крупнейших российских городов, автор оставляет без ответа, хотя мелькают точки зрения авторитетных авторов. Нужно четкое определение авторской теоретической позиции на базе творческого и смелого концептуального синтеза работ старших коллег, а его в данном исследовании нет.

Между тем у автора все было в руках, чтобы такую позицию сформулировать. Поясню. Да, «по мнению К. Аксёнова (2011), нет ясного ответа на вопрос, навёрстывают ли восточноевропейские города (в том числе российские) отставание в развитии от западных или развивают собственные структуры». Да, «неолиберальные теории модернизации и «вестернизации» связывают процесс развития российских городов с рыночной экономикой и демократическим развитием, и, это означает, что в перспективе они пройдут «западные» пути развития, хотя и с определённой задержкой (Тихонова, 2011)». Да, «существует и ряд исследовательских подходов, подчёркивающих уникальный путь развития городов (Трейвиш, 2009; Бурлина, 2019; Бедерсон и Шевцова, 2021)». Да, «(Sjöberg 2014; Müller, 2019) в своих работах отмечают значительный недостаток оригинальных концепций и теорий, объясняющих феномен трансформации постсоциалистического города и характера его управления». И, вот он, наконец, подступ к решению: «Согласно Л. Сикоре и С. Бузаровскому (2012), чаще всего «Институты-Социальные практики-Морфология городского пространства» взаимосвязаны между собой. Возникает платформенная концептуальная триада, на которой можно было бы в силу ее существенно большей гибкости, чем архаичная концепция городских режимов К. Стоуна, состыковать теорию и реалии современного развития крупных российских городов. Ближайший конструктивный аналог этой платформенной триаде знаменитая «OLI-парадигма» Джона Даннинга, обеспечивающая концептуализацию современной глобальной корпорации.

Городская трансформация как феномен «ИСМ» парадигмы, в которой институты-социальные практики-пространство (и его атрибуты) органично состыкованы друг с другом. В этой триаде за институты отвечают «институционалисты» всех мастей (коалиции акторов, нормы, рамки поведения), за социальные практики – социологи, культурологи, антропологи, политологи, а за пространство – географы. И каждая часть этой платформенной (или зонтичной) триады может быть теоретически укреплена дополнительно внутренней микротеорией и понятийным аппаратом «своей» науки. Это современный гибкий теоретический междисциплинарный платформенный подход; это много пластичнее, чем разработанная 35 лет назад в жестких условиях позднего городского индустриализма концепция К. Стоуна. И, самое главное, весь аппарат экономической географии может быть органично задействован внутри «М» (морфология пространства – редевелопмент и джентрификация А. Махровой, пространственная трансформация К. Аксёнова и К. Галустова) этой концептуальной триады (а в недрах концепции городских режимов аппарату экономической географии ТЕСНО) – подобно тому, как в OLI (ownership-location-internationalism) парадигме Джона Даннинга географы отвечают за L. А вот *внутри* И (институты) можно актуализировать теорию городских режимов. А внутри С (социальные практики) – концепцию социальных ценностей и модернизации городских сообществ социологов. Получается логически непротиворечивая, гибкая, но одновременно целостная концептуальная платформа, в которой изменения каждого блока воздействуют и корреспондируют с изменениями в двух соседних. И находится теоретический ответ на

горестные сетования «Российский город как явление представляет ещё слабо изученное направление, являясь в своём роде «отклонением от научной нормы», то есть не вписывающимся в обоснования традиционных теорий городского пространства (Ferenčuhová and Gentile, 2016, 484)». На самом деле это не вопрос «плохого» российского города, это вопрос гибкости «платформенного» подхода и теории, которые способны эти особенности вбирать в себя и учитывать. А вот жесткая концепция городских режимов неспособна к этому.

Четвертый крупный недостаток работы состоит в том, что автор использует спорные понятия зарубежной политологии, которые не желает существенно корректировать и адаптировать на российскую почву. Фундаментальное ограничение подхода К. Стоуна состоит в том, что для него в его городских правовых режимах - режим роста является лишь одной из возможных опций, наряду со статус-кво, прогрессивным режимом среднего класса. При этом нужно признать, что сама концепция Стоуна 1989 года на материалах г. Атланта 1946-1988 годов, абсолютно другой и уже старой реальности. А К.А. Галустов нигде не делает попыток доказать ее современность и адекватность для условий крупного российского города Санкт-Петербурга. Бездумно повторяя классификацию городских режимов Стоуна автор попадает в ловушку. Количественный рост и связанное с ним развитие города в городской экономике, экономической географии, геурбанистике означает решение многих текущих городских проблем, но рост в режиме Стоуна означает пролоббированный девелоперский проект.

Автор далее пишет, что по мнению Кларенса Стоуна для смены режима на прогрессивный необходимым является существование «активного среднего класса» (активного гражданского общества) с существенным количеством свободного времени (Stone, 1989). В такой ситуации общество начинает противодействовать повестке, возникающей на ниве идей роста, появляются и развиваются экологические и градозащитные движения». И все это чрезвычайно спорно! Во-первых, средний класс в современных американских городах и той же Атланта повсеместно выклинивается, поляризация усиливается. Стоун описывал уходящую натуру. Будем ли мы проходить город со средним классом, или сразу войдем в период поляризованного городского развития – авторитетного ответа для российских крупных городов пока не дано. Во-вторых, в этой классификации нет безусловной ценности качественного городского роста. Рост понимается субъективно, политологически, как пролоббированный актерами коалиции, а его экономические и социальные ценности остаются в стороне. Считаю, что такой взгляд для российского города, который еще не завершил технологическую перелицовку на новый уклад, просто вреден. Нужно четко разграничивать «машину роста», которая означает погоню за девелоперской прибылью эпохи дикого капитализма и диктата экономического либерализма в городе («выкачка денег из градостроительных проектов» - Махрова, Голубчиков, 2012), и процесс роста городской экономики и ее усложнения, который приносит блага его жителям и мигрантам (см. Э. Глезер «Триумф города», также все книги Джейн Джекобс, которых неслучайно нет в списке литературы соискателя). У К. Стоуна эти понятия не разграничены. У его молодых последователей – тоже!

Пятый крупный недостаток работы состоит в том, что автор проходит мимо возможностей укрепления географичности своего междисциплинарного исследования: понятия территориальных структур, местного развития, нормативов землепользования и др. А.Г. Махрова при разборе аналогичных сюжетов оказывается существенно более географичной. Например, как в результате выбора того или иного проектного решения по застройке были изменены внутригородские территориальные структуры, центр-периферийные соотношения, доступность территории, как изменилась внутригородская микрогеография? В работе же речь идет только про то, как власть-бизнес-общество спорят по конкретным направлениям трансформации общественных пространств. Это чисто политологический сюжет (про интересы), слегка прикрашенный географией. Зашоренность на теории городских режимов мешает автору оставаться географом в рамках выбранной

темы. А сам контекст трансформации приобретает исключительно «про-властный», политологический характер. Можно было бы ввести понятие территориального капитала (места) и оценить, как оно меняется (растет, снижается) в результате выбора после конфликта финального «назначения» использования территории. И в методах исследования нужно было сначала акцентировать именно географические, а потом уже социологические. Чтобы лучше соответствовать квалификационным требованиям работы.

Шестой крупный недостаток касается структуры работы. Вторая глава перегружена сюжетами. С другой стороны, первая глава малоубедительна, но второй параграф третьей главы ее существенно укрепляет и снижает накал критики. Это именно авторская концептуализация по теме, на материалах уже проведенного исследования. И она должна быть в первой главе как авторский вклад в теорию. А вторая глава разгружается на методологическую часть – вместе с разделом 3.1, который идет сюда, и эмпирической частью (практической), которая уходит в третью главу. Возникает классическая исследовательская триада «теория-методология-практика» по трем главам.

Седьмой недостаток работы состоит в том, что соотношение трансформации и городского развития не прояснено или прояснено неверно. Городское развитие шире редевелопмента и сказать об этом было бы целесообразно. Что сегодня является его драйвером и как на этот процесс влияют процессы трансформации и конфликтов по поводу использования городских пространств? Важнейший сюжет. В формулировке темы и в самой работе К.А. Галустова трансформация пространства и меняющиеся городские режимы выведены из дискурса городского развития. В реальности тема городского развития имеет место в негативной коннотации как девелоперское наступление на пространство и только! На самом же деле городское развитие отнюдь не сводится только к агрессии девелоперских проектов. Это развитие отражает постиндустриальную смену и возникновение новых креативных пространств для постиндустриальных видов экономической деятельности и так далее. А вот этого нет совсем в работе. Есть только «городские режимы» и трансформация пространства, как будто другие факторы вообще не действуют в городе и не влияют на трансформацию городского пространства. Вместо системного взгляда получилась редукция. Потому что на самом деле трансформация является лишь одним из элементов городского развития, а вовсе ему не противоречит. Не нужно наддувать тематику трансформации, но нужно понимать ее как составную часть городского развития. Да, это противоречит сложившейся западной и повторенной в России политологической трактовке городского развития. Но кто мешает российским географам переоткрыть эту традицию и ее переинтерпретировать в нужном географии русле? В работе же получилась зауженная трактовка городского развития, до только девелоперского, с одной стороны; с другой стороны, до беспредельности расширенная трактовка пространственной трансформации как монстра.

Практическая значимость исследования состоит во внедрении нового инструмента исследования городских пространственных конфликтов и городской трансформации. Авторская методика позволяет «считывать конфликтные и кризисные процессы в городском пространстве, определять в динамике направления развития городских пространств. Выявляются проблемные локации, нуждающиеся в особом внимании городской власти и общества». Авторская типология городской трансформации имеет унифицированный характер и может быть масштабирована для других российских городов в интересах оптимизации управления (снижения конфликтности) и устойчивого развития города, в чем состоит ее прикладное значение.

Основной текст работы (без литературы) сравнительно небольшой и составляет 119 страниц, то есть 61% общего объема работы. Остальной объем приходится на список литературы, сокращений и приложения. Будущее покажет, станет ли это новым форматом российских диссертаций по экономической географии (в пользу неосновного текста и приложений), или это особенность именно диссертации К.А. Галустова. В защищаемых

положениях (стр. 9) диссертации К.А. Галустова сказано, что «Трансформация городских пространств имеет общие географические и хронологические особенности проявления в крупных российских городах, заданные рамками и направлениями поведения власти, бизнеса и общества». (стр. 9). В представленной работе доказана лишь часть этого положения. Можно считать, что это задача на вырост.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Галустова Кирилла Артемовича на тему: «Трансформация пространства современного российского города под воздействием городских режимов», соответствует специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено. Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета
Доктор географических наук, профессор,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

24 апреля 2024 года

Пилиасов А.Н.

